

Леонтьев Константин Николаевич

**Отец Климент Зедергольм,
иеромонах Оптиной пустыни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни / Леонтьев Константин Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 125 с.

ISBN 978-5-519-93182-3

ISBN 978-5-519-93182-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рѣшило во мнѣ желаніе стать русскимъ. Въ университетѣ *) у меня были два друга, два товарища: покойный поэтъ Б. Н. Алмазовъ и Тертій Ивановичъ Филипповъ, которые вамъ, и не вамъ только, а многимъ извѣстны. Съ ними мнѣ было очень весело и пріятно. Алмазовъ былъ юноша привлекательнаго характера, любилъ острить и очень смѣшилъ. Т. И. Филипповъ былъ тогда бѣлокурый красавецъ въ русскомъ вкусѣ; онъ превосходно пѣлъ русскія пѣсни. Они оба много говорили мнѣ о русскомъ духѣ, о русской народности, о русской поэзіи... Однажды я сказалъ: „Тертій Ивановичъ, сдѣлай меня русскимъ“. — „Для этого прежде всего надо стать православнымъ“, отвѣчалъ онъ. Вотъ это желаніе обрусѣть косвенно тоже помогло моему обращенію. Желаніе обрусѣнія, симпатія къ русскимъ національнымъ формамъ славянофильскаго даже рода, съ одной стороны, а съ другой — неудовлетворенныя протестантствомъ сердечныя религіозныя потребности, — вотъ пути, которыми меня привелъ Господь сперва въ церковь, а потомъ и сюда, въ скитъ.

Сверхъ того, отецъ Климентъ говорилъ мнѣ, что философія Шеллинга также много способствовала утвержденію его какъ въ христіанскомъ чувствѣ вообще, такъ и въ переходѣ ко вселенскому православію. Онъ находилъ, что никто прекраснѣе Шеллинга не объяснилъ міровой важности христіанства, какъ историческаго момента.

Зедергольмъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ историко-филологическаго факультета и (если я не ошибаюсь) его прочили въ профессора.

*) Зедергольмъ былъ въ Московскомъ Университетѣ на филологическомъ факультетѣ.

Покойный П. М. Леонтьевъ зналъ хорошо и уважалъ молодаго Зедергольма и совѣтовалъ ему посвятить свои способности и свое трудолюбіе университетской наукѣ.

„Но я тогда уже мечталъ о монастырѣ, рассказывалъ мнѣ отецъ Климентъ. Я былъ вечеромъ у Павла Михайловича; онъ сидѣлъ за лампой, такъ что я не видалъ выраженія его лица. Не знаю что онъ думалъ, когда я, возражая на эти совѣты его отдаться свѣтской наукѣ, началъ ему говорить объ Оптиной пустыни, о преданіяхъ старчества, объ оптинскихъ знаменитыхъ духовникахъ, о Паисіи Величковскомъ... Я говорилъ долго, съ жаромъ. Павелъ Михайловичъ ничего мнѣ не возразилъ.“

Присоединился Зедергольмъ къ православной церкви въ 1853 году, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Оптинскомъ скиту. Въ краткой лѣтописи скита описано, какъ было совершено надъ молодымъ человѣкомъ таинство мвропомазанія, какимъ утѣшеніемъ было это зрѣлище для всей скитской братіи...

Почему Зедергольмъ не мвропомазался въ Москвѣ или въ Петербургѣ, а приѣхалъ нарочно для этого въ Оптину пустынь? Въ вышеозначенной лѣтописи сказано, что И. В. Кирѣевскій привлекъ его къ Оптиной. Онъ говорилъ молодому человѣку такъ: „Если вы хотите узнать основательно духъ христіанства, то необходимо познакомиться съ монашествомъ; а въ этомъ отношеніи лучше Оптиной пустыни трудно найти“. Имѣніе Кирѣевского было въ Лихвинскомъ уѣздѣ, не очень далеко отъ Оптиной пустыни, и изъ біографіи его извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Кирѣевскій часто ѣздилъ въ этотъ монастырь для бесѣды съ духовниками. Онъ и похороненъ въ Оптиной, рядомъ съ братомъ своимъ

Петромъ. Зедергольмъ еще юношей, въ Москвѣ, былъ знакомъ, повидимому, со многими знаменитостями литературы и науки русской. У Кирѣевского онъ былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ. Уже будучи монахомъ онъ часто вспоминалъ объ Иванѣ Васильевичѣ и говорилъ мнѣ, что хотя всѣ славянофилы того времени были люди, конечно, православные по убѣжденіямъ, но ни у одного изъ нихъ онъ не находилъ столько сердечной теплоты, столько искренности и глубины чувствъ какъ у Кирѣевского. „Хомяковъ, говорилъ мнѣ Зедергольмъ, былъ холоднѣе; онъ разумѣется былъ человѣкъ тоже искренне-православный, но его діалектика, его страсть къ словопреніямъ увлекала его до того, что онъ вступалъ въ споры и съ людьми православными иногда о самыхъ существенныхъ вопросахъ, противорѣчилъ и впадалъ въ нѣкоторыя уклоненія. Разговаривалъ онъ съ безбожникомъ или съ иновѣрцемъ, онъ былъ вполне православный; но начиналъ онъ бесѣдовать съ православнымъ и какъ только тотъ сказалъ ему раза два „да, да“ Хомякову уже становилось скучно и ему хотѣлось сказать: „нѣтъ, нѣтъ, не совсѣмъ такъ!“ Кирѣевскій же былъ весь душа и любовь“.

Надо замѣтить, что помимо всѣхъ собственно духовныхъ сокровищъ Оптиной, самый видъ этой пустыни привлекателенъ и дѣйствуетъ на воображеніе людей даже и вовсе не особенно набожныхъ.

Монастырь построенъ на опушкѣ огромнаго бора; предъ обителью рѣка Жиздра вьется по лугамъ; въ сторонѣ (верстахъ въ двухъ) видны колокольни, сады и домики Козельска. Видъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно красивъ и какъ то успокоителенъ, величавъ. Сзади эта безконечная синева вѣковаго бора, теряющаяся вдали. Вблизи эти исполинскія сосны и ели, перемѣшанные съ

чернолѣсьемъ; спереди обширные луга, рѣка, рощицы вдали, этотъ городокъ въ сторонѣ, какъ то кстати напоминающій и о „мірской жизни“... Все это въ самомъ дѣлѣ прекрасно.

Скитъ построенъ въ самомъ лѣсу, очень близко впрочемъ отъ монастыря, всего минутахъ въ десяти ходьбы. Къ нему идетъ убитая щебнемъ дорожка въ тѣни великолѣпныхъ деревьевъ. Главная дорожка случайно, или по вѣрному художественному чувству распорядителей, идетъ не совсѣмъ прямо, а чуть замѣтно уклоняясь въ сторону; отъ этого скитъ долго не виденъ, но потомъ вдругъ изъ чащи предстаютъ вамъ скитскія ворота. Они имѣютъ видъ какъ бы небольшого храма, розоваго цвѣта, съ одною бѣлою главой на верху. Самый выборъ этихъ цвѣтовъ чрезвычайно удаченъ. Это такъ „тепло„ и красиво, и лѣтомъ въ густой зелени лѣса, и зимой въ снѣгу, изъ котораго поднимаются суровыя ели и сосны съ ихъ огромными, снизу грубо-чешуйчатыми, а на верху нѣжно-планшевыми мачтовыми стволами...

По обѣимъ сторонамъ дверей, подъ этими воротами, на стѣнѣ изображены почти всѣ главные подвижники и учителя монашества: Антоній Великій, Нилъ Сорскій, Исаакъ Сиринъ и другіе. Всѣ съ развернутыми свитками, на которыхъ славянскія надписи, изреченія ихъ. Если кто нибудь захочетъ тутъ остано­виться и внимательно подумать, при чтеніи этихъ свитковъ, онъ найдетъ уже въ нихъ всю основную, такъ сказать, азбуку монашеской жизни. Внутри, со стороны скита, на этихъ розовыхъ, какъ бы мирно-радостныхъ и привѣтливыхъ воротахъ изображена икона Знаменія Божіей Матери. Подъ иконой есть подпись: „Все упованіе мое на Тебя возлагаю, Матерь Божія! Сохрани меня подъ кровомъ Твоимъ“... Кто войдя въ ворота скита обернется, тотъ непременно

прочтетъ эту подпись, и она на многихъ дѣйствуетъ съ особенною силою. Отецъ Климентъ говорилъ мнѣ самъ, что какъ только увидалъ онъ эти ворота, какъ вошелъ въ этотъ просторный, тихій и цвѣтущій скитъ и посмотрѣлъ на все вокругъ себя, такъ и сказалъ себѣ въ сердцѣ своемъ: „здѣсь тебѣ кончить жизнь“ . . .

Можетъ быть это было и въ первый прїѣздъ его, но, во всякомъ случаѣ, между прїѣздомъ его (въ 1853 году) и поступленіемъ въ обитель (въ 1862—1863 году) прошло около десяти лѣтъ мірской христіанской жизни.

Не знаю совѣты ли оптинскихъ старцевъ испытать себя и не спѣшить, или собственныя соображенія и наклонности удержали его надолго въ міру, только онъ по окончаніи курса поступилъ на службу въ Святѣйшій Синодъ и вскорѣ былъ сдѣланъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при оберъ-прокурорѣ. Оберъ-прокуроромъ въ то время былъ графъ Александръ Петровичъ Толстой (умершій въ 1872 или 1873 году въ Швейцаріи). Мнѣ кажется, что этотъ выборъ свѣтской службы былъ внушенъ Зедергольму желаніемъ быть „ближе къ церкви“. Одновременно съ поступленіемъ на службу по духовному вѣдомству Зедергольмъ получилъ степень магистра. Онъ защищалъ въ Москвѣ диссертацию: „О жизни и сочиненіяхъ Катона Старшаго“, которая была около того же времени напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и, насколько мнѣ помнится, вызвала какія-то замѣчанія, что не совсѣмъ полезно низводить съ пьедестала великихъ людей. Перечитывая теперь эту ученую и очень хорошимъ языкомъ написанную статью, я никакъ не могъ понять, что нашли въ ней враждебнаго Катону или унижающаго его. Если и можно видѣть въ этой статьѣ отсутствіе особеннаго поклоненія, то эта едва замѣтная сразу черта зависитъ, кажется, отъ того, что диссериа-

ція о великомъ язычникѣ совпала у Зедергольма, вѣроятно, съ молодымъ рвеніемъ христіанскаго прозелита, и онъ, осуждая Катона, удовлетворялъ своей потребности осудить весь языческій Римъ.

При Синодѣ прослужилъ онъ съ 1858 года до 1862; посылался въ разныя командировки и, между прочимъ, въ 1860 году ѣздилъ по порученію Синода на Востокъ вмѣстѣ съ г. Соломономъ (теперь сенаторомъ, а тогда тоже служившимъ въ Синодѣ) для собранія точныхъ свѣдѣній о халкинскихъ и аѳинскихъ богословскихъ курсахъ и о состояніи православныхъ церквей и монастырей на Востокѣ. Нѣкоторыя изъ замѣтокъ и впечатлѣній его, вынесенныя изъ этой поѣздки въ Турцію и Грецію, были напечатаны въ духовномъ журналѣ *Душеполезное Чтеніе*.

Довольно любопытно просмотрѣть оставшуюся послѣ отца Климента тетрадь, въ которой онъ на скорую руку записывалъ свои путевыя впечатлѣнія во время этой поѣздки. Особенно интересна та часть (очень значительная), которая осталась въ рукописи. Въ ней-то ясно видишь, въ какой мѣрѣ православныя чувства и православное міросозерцаніе были и тогда уже основой его внутренней жизни. Этотъ московскій студентъ 50-хъ годовъ, сынъ ученаго реформатскаго пастора, этотъ магистръ древне-эллинской словесности, филологъ и авторъ диссертациі о Катонѣ Старшемъ, этотъ молодой петербургскій бюрократъ ничего почти не видитъ и не слышитъ на Востокѣ, кромѣ православія, монашества, аѳонскихъ старцевъ, кромѣ церковной исторіи и церковныхъ древностей. На бытъ (особливо на бытъ мусульманскій, столь своеобразный и до сихъ поръ всѣмъ иностранцамъ столь мало доступный и мало понятный) онъ не обращаетъ почти никакого вниманія и если замѣчаетъ что-нибудь

мимоходомъ, то не иначе какъ съ отвращеніемъ; на древности въ Аѣинахъ едва смотритъ, хотя, конечно, понимать ихъ можетъ лучше многихъ по роду университетской подготовки своей и по врожденному вкусу. Споры православнаго ново-греческаго консерватора Икономоса съ аѣинскими либералами занимали его гораздо больше всякихъ древностей. Святая Аѣонская гора съ ея современными чудесами подвижничества была для него гораздо интереснѣе всѣхъ красотъ невозроднаго къ дѣйствительной жизни Акрополя. Аѣонской горѣ у него посвящено въ тетради семьдесятъ и болѣе страницъ; Аѣинамъ—съ чѣмъ-то двадцать....

Въ нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ онъ слышалъ разговоры, что Россія безсильна, ибо у нея нѣтъ денегъ, а „какъ не будетъ денегъ, другія державы станутъ только смѣяться надъ нашими угрозами“. Зедергольмъ записалъ въ свою путевую книжку, что не безденежье, а безвѣріе губитъ Россію, но не высказалъ дипломату своихъ возраженій.

Съ кѣмъ бы ни говорилъ онъ,—съ докторомъ Зографомъ, съ г. Каратеодори, съ поэтомъ профессоромъ Танталидесомъ и другими замѣчательными фанаріотами, онъ вездѣ одинъ и тотъ же человѣкъ, все старающійся свести на мистически православную точку зрѣнія. При свиданіи со знаменитымъ старцемъ патріархомъ Григоріемъ VI въ немъ *все дрожитъ*...

„Когда патріархъ говорилъ, *все во мнѣ дрожало*: такъ сильно на меня дѣйствовала мысль, что я вижу патріарха Григорія—и видъ и самый голосъ его, въ которомъ какая-то особенная глубина, сдержанность. Докторъ Зографъ послѣ говорилъ мнѣ, что слова патріарха тронули его до слезъ, а онъ человѣкъ, кажется, не очень чувствительный. Потомъ патріархъ сказалъ, что теперь,

когда мы увидимъ вблизи положеніе дѣлъ, мы убѣдимся, что оно во многомъ не такое, какимъ представлялось намъ издали. Касательно нашего порученія въ Халки замѣтилъ, что нужна осторожность, чтобы присылка русскихъ воспитанниковъ не повредила заведенію и здѣшнимъ христіанамъ вообще. Въ теченіе разговора С. упомянулъ о новомъ переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ. Патріархъ замѣтилъ, что въ Россіи, православной странѣ, охраняемой правительствомъ, подобное предпріятіе возможно, а что здѣсь имъ бы воспользовалась пропаганда протестантская и что оно поэтому было бы опасно. Затѣмъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній, смыслъ которыхъ былъ, что для народа потребнѣе не переводъ Св. Писанія на народный языкъ, а частая проповѣдь Евангелія. Зашла рѣчь о нынѣшней цивилизаціи. Патріархъ сказалъ, что нѣтъ ничего гибельнѣе цивилизаціи основанной не на Законѣ Божіемъ, что подобная цивилизація не цивилизація, не образованіе, а разрушеніе. Потомъ патріархъ сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о нашемъ времени. Прежде, сказалъ онъ, греки не имѣли такого *сообщаженія* съ другими народами, не было такой легкости въ сближеніи съ ними; они меньше знали иностранные языки, но въ нихъ больше держались христіанскія добродѣтели, страхъ Божій, вѣра, нелицемѣрная, любовь; теперь греки стали образованнѣе и гораздо болѣе удобствъ для сообщаженія съ другими народами, но христіанскія добродѣтели въ нихъ ослабѣли: смѣсишася во языцѣхъ и навывоша дѣломъ ихъ. Далѣе патріархъ указалъ, какимъ средствомъ врагъ старается ослабить вѣру въ человѣкѣ: прежде всего колеблетъ въ немъ уваженіе къ пастырямъ церковнымъ, и когда овца удалится отъ пастыря, тогда она легче становится добычею волка. Затѣмъ С. предложилъ нѣсколько вопро-

совъ; при разрѣшеніи ихъ патріархъ повторялъ, что въ Россіи, странѣ православной, возможно многое, что здѣсь было бы опасно. Спросили о причинахъ успѣха римской пропаганды. Патріархъ отвѣчалъ, что причина заключается въ томъ, что пропаганда разрѣшаетъ на все, а церковь многое запрещаетъ. Затѣмъ патріархъ упомянулъ о широкомъ пути ведущемъ въ погибель и узкомъ, ведущемъ въ царство небесное. Я спросилъ, отчего въ православномъ духовенствѣ замѣчается какъ-будто менѣе усердія къ обращенію въ православіе, чѣмъ въ латинскомъ. Патріархъ отвѣчалъ, что латины только о томъ и думаютъ, чтобъ увеличить число своихъ, а мы изъ обращенныхъ желаемъ дѣлать истинныхъ христіанъ. Послѣ того, сказавъ еще разъ о томъ, какъ хорошо, что Россія посылаетъ освѣдомляться о положеніи христіанъ на Востокѣ, патріархъ съ любовью отпустилъ насъ“.

Что же такого особеннаго было въ словахъ патріарха Григорія? Собственно въ рѣчахъ его не было ничего новаго, краснорѣчиваго, глубокаго или тонкаго. Все самыя общеизвѣстныя и общедоступныя вещи и въ самомъ практически церковномъ консервативномъ духѣ... Но тутъ дѣйствовали сильно не столько смыслъ и содержаніе рѣчей патріарха, сколько сознаніе, „что это все говоритъ *онъ*, тотъ кого я духовно и нравственно такъ высоко чту...“ Эта ученическая вѣра въ лицо старца и святителя, въ силу высокой души, въ святость высокой жизни.... это чувство похоже не на умиленіе отъ краснорѣчивой и умной проповѣди, оно скорѣе похоже на радость при принятіи въ себя даровъ таинства.

Но вотъ отецъ Климентъ знакомится съ богословомъ грекомъ, преосвященнымъ Типальдосомъ, ректоромъ Халкинской академіи и митрополитомъ Ставропольскимъ. Здѣсь Зедеггольмъ говоритъ, и говоритъ съ жаромъ,

говорить духовнѣ, православнѣ митрополита-ректора; и ректоръ, который пробовалъ „поставить вопросъ на болѣе реальную почву“, спѣшить согласиться съ нашимъ Нѣмцемъ... Разговоръ шелъ о томъ: необходимо или нѣтъ пользоваться протестантскими и латинскими сочиненіями по нѣкоторымъ хорошо обработаннымъ на западѣ отраслямъ богословскихъ наукъ. Зедергольмъ сожалѣлъ объ этой необходимости. Преосвященный Типальдосъ говорилъ, что можно пользоваться отъ запада лишь методомъ, а не духомъ и что людей, даже и молодыхъ, но уже утвержденныхъ въ вѣрѣ, стѣснять въ чтеніи даже и философскомъ не надо. Зедергольмъ, не отвергая этой свободы, жаловался на „бѣдность руководствъ и на недостатокъ полноты въ изложеніи полной православной системы, которыя могли бы обнять всѣ науки (онъ здѣсь разумѣлъ только однѣ богословскія науки, конечно) и избавили бы насъ отъ необходимости обращаться къ западнымъ писателямъ“.

Типальдосъ одобрилъ его и прибавилъ, что рѣшенія этой задачи ожидаютъ отъ Россіи, гдѣ есть и средства и люди.

„Что касается меня, продолжалъ я (пишетъ въ дневникѣ своемъ Зедергольмъ), то я знаю, что всеобъемлющая полнота познанія не доступна на сей землѣ и будетъ достигнута нами въ другой жизни (Типальдосъ замѣтилъ, что это справедливо, но, что это другой вопросъ); что бѣдность и немощь составляютъ непремѣнный удѣлъ истинной церкви, и что именно въ этой бѣдности и немощи совершается преизобильная сила Божія; что православіе живетъ среди всяческаго неустройства и скудости именно для того чтобы было видно, что оно держится не человѣческими силами и порядками, а могуществомъ Божиимъ, и что я поэтому не соблазняюсь